

© 1995 г.

**М.М. НАЗАРОВ**

## **ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

---

*Назаров Михаил Михайлович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. Неоднократно публиковался в нашем журнале.*

---

Среди многообразных форм политической активности видное место занимают те из них, с помощью которых люди непосредственно выражают свои мнения, требования, недовольство. Анализ этих форм политической активности становится особенно актуальным в современной России.

Речь пойдет о тех проявлениях коллективных действий, которые в политико-социологической литературе относят к протестным формам политического поведения. Варианты последних могут быть различными — от «мягких», таких, как подписание петиций и воззваний, до «жестких» (радикальных), зачастую предполагающих проявления насилия. В перечисленные формы политической активности обычно оказываются включенными не столь значимые с точки зрения репрезентативности по отношению к общему числу населения группы людей. Вместе с тем, эта активность оказывается неотъемлемым фактом современной политической жизни страны.

Мы попытаемся ответить на следующие вопросы: встречаются ли те или иные формы протестных действий поддержку среди населения и в какой мере люди сами готовы принять в них участие? Существует ли динамика в показателях социально-экономической ситуации и ориентациях на различные формы протестного участия? Имеются ли факторы социоструктурного порядка, детерминирующие поддержку протестного поведения? Каково содержание собственно политических ценностей и представлений групп, ориентированных на радикальные формы политического протеста?

### **Концептуальные рамки анализа**

Вначале сделаем ряд замечаний, касающихся интерпретации понятия протеста. Поскольку эмпирическое изучение протестного поведения является относительно новой областью для отечественного обществознания, то целесообразно принять во внимание некоторые выводы исследователей политического сознания и поведения зарубежных стран.

Понятием протеста — социального или собственно политического — зачастую охватывают достаточно широкий круг явлений. Исследователями отмечается, что к «социальному протесту» относят и «оспаривание», «отрицание» всей социальной действительности, самих принципов общественного устройства, и неприятие лишь каких-то отдельных сторон общественно-политической жизни, и возмущение существующими порядками и институтами власти в целом, и выступления лишь против определенных тенденций в их политике. Часто общее понятие «социальный протест» относится к характеристике явлений, различных по своей массовой базе, социально-классовому облику, силе, интенсивности, специфике возбуждающих их факторов [1].

Остановимся на некоторых известных подходах к дефиниции протеста. В рамках одного из них лежат соображения нормативного характера. Протест определяется как форма «нетрадиционного» политического поведения. При этом критерием различения традиционной и нетрадиционной политики в целом является наличие и, соответственно, отсутствие правил и законов, способствующих регулярному представлению интересов различных групп.

Традиционная политика предполагает существование широкого круга нормативных документов, являющихся неотъемлемым элементом функционирования такого механизма регулярного выражения интересов как, например, выборы. В случае нетрадиционных форм политического поведения отсутствуют какие-либо нормы, способствующие регулярному проведению митингов протеста, политических демонстраций, бойкотов, забастовок, занятию административных зданий и т.п. Хотя последнее отнюдь не означает отсутствия множества нормативных документов, ограничивающих или запрещающих проведение подобных акций [2].

Значимость правового регулирования при различении политики выборов и представительства и политики протеста проявляется в связи с противопоставлением «рутинной», обычной политики, с одной стороны, и политики, предполагающей нарушение общественного порядка — с другой [3].

Иное основание для дефиниции протеста используется авторами, разрабатывающими проблематику политического конфликта. По формам проявления конфликт разделяют на протест и восстание. При этом протест рассматривается как форма проявления политического конфликта, предмет которого касается конкретных действий и политики властей. В большинстве случаев протестное поведение оказывается не столь продолжительным и включает такие формы как демонстрации, всеобщие забастовки, уличные столкновения и прочие действия, связанные с нарушением общественного порядка. По сравнению с протестом, восстания касаются более фундаментальных вопросов типа «кто правит», «с помощью каких средств» и, как правило, предполагает проявление вооруженного насилия между представителями политического режима и его оппонентами [4]. Говоря о понимании протеста в данном исследовании, мы будем опираться на синтез перечисленных подходов. С одной стороны, к протесту будут отнесены политические действия не относящиеся к так называемой «традиционной» политике и в то же время не достигающие такого уровня вооруженного насилия, которое наблюдается в ходе восстаний и шире — революций.

Какие факторы лежат в основе политического протеста? В современной социологической литературе среди причин протеста, которые выделяются на уровне макроанализа, важная роль отводится показателям социального самочувствия и динамике социальных ожиданий населения. В этой связи остановимся несколько подробнее на феномене депривации являющемся одним из центральных элементов во многих объяснительных моделях конфликтов и сопряженных с ними протестных действий. Под депривацией здесь понимается субъективное чувство недовольства по отношению к своему настоящему. Впервые концепция депривации, точнее, относительной депривации, была введена в научный оборот Стауффером, а затем получила развитие в работах Мертона и Руинсимана [5].

Исходной здесь является посылка о том, что личностные аттитюды, стремления, надежды, требования определяются системой соотношения — совокупностью идей и наблюдений, на основе которых индивид выносит свои суждения о конкретной ситуации. Так, субъект А будет находиться в состоянии относительной депривации по отношению к объекту Х (чаще всего понимаемого как определенный уровень социального благополучия, благосостояния) в случае, если: 1) субъект не обладает Х; 2) субъект хочет обладать Х; 3) субъект сравнивает свое положение с положением некоторых других субъектов, обладающих Х; 4) субъект рассматривает как реальное и осуществимое свое обладание Х.

К основным элементам модели относительной депривации относятся: субъект депривации; система соотношения или социальных сравнений; внешние воздействия, на-

рушающие прежнюю систему социальных сравнений; частота и уровень депривации. Рассматривая в качестве субъекта некоторую социальную группу, схематично функционирование механизма депривации можно описать следующим образом. Под влиянием внешних воздействий происходит нарушение сложившейся системы оценок, зачастую сопровождающееся расширением возможностей социальных сравнений и их выражения. Результаты социальных сравнений усиливают чувства неравенства и неудовлетворенности. Важно при этом, что зачастую реальный уровень благосостояния группы остается в течение всего периода сравнений стабильным. Вместе с тем, в результате сравнений он оказывается ниже некоторого идеального уровня. Последний оценивается в группе как вполне достижимый при условии некоторой институциональной перестройки и перераспределения средств и благ внутри общества.

Итак, растущие расхождения между ожиданиями, детерминированные социальными сравнениями и реальностью, приводят к усилению неудовлетворенности. При этом отмечается, что ожидания имеют тенденцию к линейному росту. Однако зависимость, описывающая степень удовлетворения ожиданий, имеет нелинейный характер. Причем нелинейность эта связана с отставанием реальных возможностей по удовлетворению ожиданий от роста последних. На определенном этапе абсолютная величина расхождений становится настолько значительной, что приводит к явлениям фрустрационного порядка. В свою очередь это способствует возникновению мотиваций по включению субъекта депривации в ту или иную форму участия в протестных действиях. На уровне субъекта цель этих действий состоит в снятии препятствий для реализации первоначальных ожиданий [6]. Описанная модель депривации является некоторой идеально-типической конструкцией. Применительно к конкретному социуму линейная зависимость «депривация—протест» оказывается не столь однозначной. Причем определяющие параметры этого связаны со степенью стабильности и благосостояния общества в целом.

Например, результаты исследований английского общества 70-х годов показали, что относительная депривация была распространена здесь не столь широко, и наблюдалась в первую очередь среди представителей рабочего класса, не достигших пенсионного возраста. При этом исследователями была зафиксирована статистическая связь, хотя и не слишком высокая, между неудовлетворенностью своим материальным положением и политическим протестом. Вместе с тем протестный потенциал оказался свойственным группам со средним уровнем удовлетворенности своим положением; очевидной также была тенденция к протесту среди представителей (молодых возрастных групп. Был сделан вывод, что в стабильных социально-экономических системах мотивация к протесту имеет многофакторный характер и не является жестко детерминированной уровнем относительной депривации (рассматриваемой прежде всего в терминах материального благосостояния). Центральный фактор, определяющий различные формы политического участия, в том числе протестного поведения, — уровень образования. Существенно более высокие показатели депривации оказываются в странах, где политическая и социально-экономическая ситуация характеризуется высокой степенью нестабильности [7].

Примем во внимание, что выражение намерения участвовать в тех или иных формах протеста имеет как политические, социально-экономические, так и культурные основания. Поэтому важной стороной анализа протеста является изучение особенностей политической культуры. Исследователями отмечается, что политическая культура — один из существенных факторов, определяющих политическое поведение населения. Отношение к правительству и политикам, особенности участия в выборах, протестное поведение в значительной степени могут быть объяснены в связи с анализом господствующих политических идей в обществе, традициями отношения к сфере политики в целом. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что различия в национальных политических культурах зачастую проявляются независимо от типа господствующего политического режима [8].

## Отношение к различным формам протеста

**Методы исследования.** Эмпирическую основу анализа составляют результаты исследований, проведенных в Москве Центром социологии межнациональных отношений ИСПИ РАН: в июне—июле 1993 и в июне 1994 гг.<sup>1</sup>. Количество опрошенных соответственно:  $N = 844$  и  $N = 800$ . Отбор респондентов проводился среди занятого населения методом квотной выборки со связанными параметрами (род занятий, пол, возраст). Метод сбора информации — раздаточная анкета. Кроме того, привлекаются данные исследования, проведенного в Москве в июне 1991 г. ( $N = 530$ ).

Фокус анализа сосредотачивался на сфере политического сознания личности. Индивидуальное политическое сознание рассматривалось одновременно и как часть, и как продукт или результат деятельности той общности, к которой индивид принадлежит. В качестве индикаторов протеста использовались зафиксированные на вербальном уровне факты реального или потенциального участия в сборе подписей и подписании воззваний; участия в митингах и манифестациях; участия в забастовках; в насильственных действиях (по отношению к представителям других политических сил, властям). Кроме того, использовался индикатор активного протеста, как реакции на сложившуюся жизненную ситуацию. Совместному с перечисленными индикаторами анализу подвергались переменные, характеризующие отношение респондентов к властям, лидерам, политическим партиям; отражающие мировоззренческие установки респондентов, социальное самочувствие, уровень материального благосостояния в прошлом, настоящем, будущем; социально-демографические показатели. При анализе эмпирических данных, наряду с традиционными статистическими процедурами, использовался метод множественной линейной регрессии.

**Групповые особенности протестной активности.** В ходе исследования респондентам было предложено высказать свое отношение к различным типам протестной активности: начиная от «мягких» и кончая радикальными протестными формами. При этом шкала участия была следующей: «принимал участие», «мог бы принять участие», «не буду участвовать никогда». Полученные распределения оценок приведены в табл. 1.

Таблица 1

Виды участия	Отношение к формам протестной активности (в % от числа опрошенных)					
	Принимал участие		Мог бы принять участие		Не буду участвовать никогда	
	1993 г.	1994 г.	1993 г.	1994 г.	1993 г.	1994 г.
Подписание воззваний	13,3	13,2	32,6	26,6	48,4	48,3
Участие в митингах	6,8	7,9	25,2	20,6	61,1	58,5
Участие в забастовках	1,2	1,6	17,3	17,7	71,8	63,8
Насильственные действия (по отношению к представителям других политических сил, властей)	0,7	0,9	6,3	7,7	83,0	75,5

Приведенные данные показывают, что в течение последних двух лет около половины опрошенных вообще не были склонны принимать участия в перечисленных формах протеста. Вместе с тем очевидным является отличие в отношении людей к различным формам протеста. Если о своем реальном или потенциальном участии в «мягких» формах протеста (воззвания, митинги) высказались 30—40% респондентов, то на аналогичное участие в протесте, предполагающем насильственные действия, указали 7—9% опрошенных. В целом подавляющее большинство москвичей отвергало насилие как форму политического протеста.

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Таблица 2

## Средние значения протестной активности в социально-демографических группах\*

Виды участия	Пол		Возраст, лет			В целом
	мужской	женский	до 30	30—50	старше 50	
Подписание воззваний	0,61	0,59	0,51	0,59	0,64	0,60
Участие в митингах	0,48	0,43	0,31	0,32	0,45	0,41
Участие в забастовках	0,26	0,15	0,29	0,21	0,12	0,21
Насильственные действия (по отношению к представителям других политических сил, властей)	0,13	0,04	0,19	0,06	0,03	0,09

\*Приведены медианные значения протестной активности со следующими шкальными признаками: 2 — «принимал участие», 1 — «мог бы принять участие», 0 — «не буду принимать участие никогда».

Каким образом готовность к участию в тех или иных формах протеста соотносится с другими переменными?

В табл. 2—4 приведены средние медианные значения четырех форм протеста в различных подгруппах респондентов. (Здесь и далее групповые особенности протестной активности обсуждаются применительно к данным, зафиксированным в 1993 г.)

Большинство приведенных в таблицах величин оказалось меньше 1,0 (среднего значения шкалы = «мог бы принять участие»). Это означает, что баланс высказанных оценок по конкретной группе смещен более к протестному неучастию, нежели к активной в него включенности. Последнее отражает общую тенденцию низкого уровня поддержки протестных действий в целом. Зафиксированы очевидные отличия в протестной активности среди представителей различных групп респондентов.

Сначала об отличиях социально-демографического плана. Как следует из табл. 2, мужчины в большей степени, чем женщины предрасположены к активному участию в большинстве форм протеста. Причем отличия эти нарастают от «мягких» форм к более «жестким» и наиболее ярко проявляются в отношении насильственных действий.

В различных возрастных группах населения реальное или потенциальное участие в подписании воззваний оказывается практически одинаковым. Лица старше 50 лет несколько активнее, чем более молодые респонденты, настроены на участие в митингах. В то же время на участие в забастовках или насильственных действиях в большей мере ориентированы лица до 30 лет.

В табл. 2 не приведены распределения в профессиональных и образовательных группах населения. Здесь отличия оказываются еще менее существенными. Исключение составляют два обстоятельства. Лица с высшим образованием оказываются более активными в подписании воззваний. В социально-профессиональном плане отличия касаются группы, студенчества, представители которого наиболее активны в отношении всех форм протеста.

Существенно большим разбросом характеризуются протестные показатели в группах населения, отличающихся по материальному достатку, с различной динамикой материальных условий жизни, отношением к безработице (см. табл. 3).

Среди респондентов с различным уровнем доходов величина протестной активности (по всем ее формам) отклоняется от среднего значения на  $\frac{1}{3}$  и более. Наименьший уровень участия демонстрируют представители наиболее высокодоходных групп. Таких, по данным исследования, на период июня 1993 г. было около 10% населения. Средний уровень протестной активности присущ лицам со средними (или относительно средними) доходами, их оказалось подавляющее большинство — 80%. Остальные 10%

Средние значения протестной активности в группах с различной материальной обеспеченностью и социальным самочувствием\*

Виды участия	Уровень дохода				Материальное положение			Обеспокоены стать безработным		
	1	2	3	4	лучше	такое же	хуже	да	отчасти да	нет
Подписание воззваний	0,45	0,58	0,62	0,81	0,44	0,52	0,67	0,77	0,71	0,46
Участие в митингах	0,29	0,40	0,42	0,48	0,24	0,39	0,45	0,55	0,49	0,32
Участие в забастовках	0,10	0,21	0,22	0,26	0,15	0,13	0,25	0,33	0,21	0,19
Насильственные действия (по отношению к представителям других политических сил, властей)	0,05	0,09	0,10	0,08	0,03	0,03	0,12	0,15	0,09	0,06

\*Приведены медианные значения протестной активности со следующими шкальными признаками: 2 — «принимал участие», 1 — «мог бы принять участие», 0 — «не буду принимать участие никогда».

Таблица 4

Средние значения протестной активности в группах с различной степенью включенности в политику и различными идеологическими ориентациями\*

Виды участия	Интерес к политике		Знакомство с программами партий		Приватизация				Отношение к					
	высокий	низкий	да	нет	земли		крупных предприятий		суждению о свободе		индивидуализму		суждению о рынке	
					положи- тельно	отрица- тельно	положи- тельно	отрица- тельно	положи- тельно	отрица- тельно	положи- тельно	отрица- тельно	положи- тельно	отрица- тельно
Подписание воззваний	0,71	0,48	0,89	0,47	0,50	0,80	0,59	0,65	0,72	0,56	0,76	0,58	0,78	0,55
Участие в митингах	0,53	0,24	0,74	0,27	0,37	0,62	0,39	0,46	0,52	0,52	0,38	0,41	0,56	0,39
Участие в забастовках	0,25	0,15	0,32	0,15	0,16	0,39	0,20	0,24	0,25	0,25	0,20	0,23	0,31	0,18
Насильственные действия (по отношению к представителям других политических сил, властей)	0,10	0,06	0,13	0,06	0,06	0,18	0,13	0,07	0,08	0,09	0,08	0,10	0,09	0,07

\*Приведены медианные значения протестной активности со следующими шкальными признаками: 2 — «принимал участие», 1 — «мог бы принять участие», 0 — «не буду принимать участие никогда».

относились к группе с наиболее низкими доходами и демонстрировали, соответственно, наивысшую готовность к участию в протесте (Градации доходных групп приведены в Приложении).

Результаты исследования свидетельствуют, что наряду с величиной материального достатка, важными в связи с анализом протеста являются самооценки изменения материального благосостояния по сравнению с тем, что было 6—7 лет назад. Медианные значения участия в протестных действиях в группах, у которых уровень жизни изменился в лучшую и худшую стороны, оказался весьма различным. Как можно было предполагать, наименьшую протестную активность проявили лица, чей уровень благосостояния улучшился, и наоборот.

Также сильно разнящимися оказываются протестные показатели среди респондентов с разной степенью обеспокоенности возможностью стать безработным. Чем она сильнее, тем с большей вероятностью проявится протестная активность. Причем это относится ко всем формам протеста, как «жестким», так и «мягким».

В ходе исследования было рассмотрено, насколько отличными являются средние значения протестной активности в группах с различной степенью включенности в политику и разнящимися идеологическими ориентациями (см. табл. 4).

В результате зафиксировано, что такие переменные как «интерес к политике» и «знакомство с программами политических партий и движений» существенно дифференцируют респондентов. Чем в большей степени люди включены в политику, тем больше протестным потенциалом они обладают.

Влияли на участие в протестных действиях и некоторые мировоззренческие характеристики. Наиболее сильно отличались средние значения всех форм протестных действий среди положительно и отрицательно относившихся к приватизации земли. В отношении участия в подписании воззваний и участия в митингах респонденты разделялись в связи с их согласием или несогласием с оценочными суждениями о свободе и неравенстве; принципе индивидуализма; о рыночной экономике (полностью используемые оценочные суждения приведены в Приложении). К середине 1993 г. тенденция оказалась следующей — лица, разделявшие позиции госсocialистической идеологии, в большей степени были склонны к выражению нерадикальных форм политического протеста.

**Компоненты регрессионной модели протестного участия.** Какие из рассмотренных переменных являются более, а какие менее важными с точки зрения их связи и влияния на показатели протеста? Для ответа на поставленный вопрос необходимо по опытным данным изучить влияние совокупности независимых переменных на результирующий признак — протестное поведение. Данные табл. 1 показывают, что отношение населения к первым трем формам протеста (воззваниям, митингам, забастовкам) описано «скошенным» нормальным распределением, что позволяет применить к решению задачи методы регрессионного анализа. В качестве независимых в процедуру были включены все индикаторы из блоков, характеризующих материальное благосостояние, социально-демографические признаки и политико-идеологические ориентации респондентов.

В ходе вычислений применялась техника пошаговой множественной регрессии, позволяющая из всей совокупности независимых переменных выделить те из них, которые обладают наибольшей предсказательной силой в отношении исследуемых форм протестной активности. Здесь на каждом шаге вычислений определяется независимая переменная, коэффициент частной корреляции которой с зависимой переменной является максимальным.

В результате расчетов были выявлены индикаторы, составляющие адекватную модель множественной линейной регрессии для каждой формы протестной активности. В силу существенной корреляции между первыми тремя формами политического протеста (исключая насильственные действия) регрессионные уравнения для них оказываются сходными. В этой связи приведем лишь одно уравнение, описывающее зависимость участия в митингах от других переменных:

Участие в митингах	= Знакомство с программами партий	+ Самоо- ценка уровня жизни	+ Свобода и неравен- ство	+ Интерес к политике	+ Обеспокоен- ность безрабо- тицей
Коэффициент b	0,25	- 0,10	+ 0,11	+ 0,11	+ 0,09
Multiple R = 0,37; R square = 0.13.					

Величина приведенных коэффициентов свидетельствует, что объяснительные возможности модели оказываются не слишком высокими. Тем не менее, уравнение регрессии показательно в том плане, что высвечивает совокупность факторов, наиболее значимых по своему влиянию на результирующий признак. Наибольшей предсказательной силой при объяснении участия населения в митингах обладает признак знакомства респондентов с программами партий и политических движений. Затем, примерно с равным весом следуют переменные: самооценки уровня материального благосостояния за последние 6—7 лет; отношение к принципам свободы и экономического неравенства; интерес к политике; обеспокоенность возможностью стать безработным.

Таким образом, участие в митингах (равно как подписание воззваний и участие в забастовках) сопряжено с влиянием трех основных факторов: включенности в политику, самочувствия в сферах материального благосостояния и трудовой занятости, ориентациями на определенные идеологические ценности.

**Специфика радикального протеста.** Рассмотрим подробнее отношение опрошенных к проявлению радикального протеста — участию в насильственных действиях по отношению к представителям каких-либо политических сил, властей. При этом попытаемся ответить на следующий вопрос: существуют ли в социально-демографической структуре подгруппы, в которых локализация носителей радикального протеста оказывается максимальной? Рассмотрим в этой связи трехмерное распределение, приведенное в табл. 5.

Совместное распределение показателей возраста, пола и уровня доходов фиксирует, что наиболее предрасположены к проявлению насилия мужчины в возрасте до 30 лет. Определенные различия вносят градации уровня дохода, хотя в целом здесь во всех доходных категориях этой возрастной группы установка на участие в радикальном протесте сохраняется относительно высокой. Аналогичная тенденция наблюдается в группе мужчин в возрасте от 30 до 50 лет. Однако в этой группе уровень радикального протеста оказывается меньшим.

Во всех группах женщин по сравнению с группой мужчин ориентация на радикальный протест существенно ниже. При этом она практически отсутствует среди женщин всех возрастов с наиболее высокими доходами. Низкий уровень радикального

Таблица 5

**Ориентации различных социально-демографических групп на участие в насильственных действиях\***

Возраст, лет	Пол	Уровень дохода			
		1	2	3	4
До 30	Мужской	0,15	0,25	0,35	0,35
	Женский	0,00	0,07	0,14	0,30
30—50	Мужской	0,03	0,09	0,15	0,20
	Женский	0,00	0,00	0,01	0,03
Старше 50	Мужской	0,00	0,05	0,07	0,00
	Женский	0,00	0,03	0,02	0,00

\*Приведены медианные значения протестной активности со следующими шкальными признаками: 2 - «принимал участие», 1 — «мог бы принять участие», 0 — «не буду принимать участие никогда».



протеста проявляют также женщины старше 30 лет практически во всех доходных группах.

Обращаясь к данным табл. 3, заметим, что в большей степени радикальный протест присущ тем, кто ощущает ухудшение своего материального положения за последние 6—7 лет; также это относится к респондентам, обеспокоенным перспективой остаться без работы.

Обратим внимание еще на одну особенность. В табл. 4 приведены данные, свидетельствующие, что большинство идеологических индикаторов дифференцировало респондентов в отношении участия в подписании петиций, митингах и забастовках. В отношении насильственных действий этого в большинстве случаев не происходит, т.е. на радикальный протест в одинаковой степени были ориентированы лица, разделяющие как либеральные, так и госсоциалистические взгляды.

Выше отмечалось, что изменения показателей протестного поведения зачастую зависят от динамики наличных социально-экономических и политических условий. Известно, что с момента начала «шоковой терапии» ощущалось усиление экономического неблагополучия — инфляции, роста цен, снижения доходов большинства населения. Какой в этот период была динамика радикального протеста?

В соответствии с нашими данными на свое реальное или потенциальное участие в насильственных действиях по отношению к представителям властей или других политических сил указали 7% опрошенных москвичей в июне 1993 г., 9% — в 1994 г. Примем также во внимание и величину другого индикатора, свидетельствующего, что доля радикально настроенного населения в Москве оказывалась в последние два года более или менее постоянной. В качестве реакции на ухудшающиеся условия жизни были «готовы идти на баррикады в прямом смысле этого слова» соответственно 6 и 8% опрошенных в 1993 и 1994 гг.

## Заключение

В результате исследования получены данные о распространенности протестных настроений в Москве в течение последних двух лет. Зафиксировано, что более половины опрошенных не были склонны принимать участия в любых формах политического протеста. Среди тех, кто был ориентирован на протест, предпочтение отдавалось «мягким» его формам — подписанию воззваний, участию в митингах. Наименее распространенной оставалась ориентация на насильственные действия. В большей степени участие в протесте проявляется на уровне идей («мог бы принять участие»), а не на уровне реальных действий («принимал участие»). Эмпирически обосновано, что на период середины 1993 г. участие в протесте имело социально-экономические и политико-идеологические признаки дифференциации. Построенная регрессионная модель свидетельствует, что участие в подписании воззваний, митингах и забастовках было сопряжено с влиянием трех основных факторов: включенности в политику, самочувствия в сферах материального достатка и трудовой занятости, ориентации на определенные идеологические ценности. Возможное участие в насильственных действиях в большей степени было присуще мужчинам в возрастных группах до 30 лет. Причем это участие не столь сильно зависело от материальных различий и слабо дифференцировано в связи с идеологическими ориентациями. В последние два года доля респондентов, ориентированных на использование радикального протеста оказалась достаточно стабильной.

Отвечая на вопрос о том, каковы возможные причины, детерминирующие конкретное содержательное наполнение показателей протеста, обратим внимание на следующие обстоятельства.

В последние 3—4 года наблюдается процесс падения интереса широких слоев населения к феномену политики в целом, который, в свою очередь, сопровождается уменьшением протестной активности. Результаты наших исследований в Москве фиксируют, что в июне 1991 г. еще продолжала сохраняться достаточно высокая

политизация сознания населения. Доля тех, кто «очень интересовался» или «интересовался» политикой составляла тогда 87% опрошенных; «мало» или «вообще не интересовались» ею 12% респондентов. К середине 1993 г. доля тех, кто «мало» или «вообще не интересовался политикой» возросла в 3 раза против 1991 г. и составила 37% опрошенных.

За этот же период, параллельно с усилением политической апатии наблюдалось уменьшение доли лиц, проявивших желание участвовать в протестных акциях. Ориентация на реальное или потенциальное использование таких протестных форм как митинги и забастовки сократилось в 1,7—2 раза. Показательно, что об аналогичных тенденциях свидетельствуют результаты исследований социодинамики массовых политических действий в Москве, полученные другими авторами [9].

Рассматривая отмеченные тенденции, целесообразно, среди прочего, принять во внимание некоторые содержательные особенности массовых политических настроений последних 8—10) лет.

Напомним, что в сознании широких слоев общества первые перестроечные годы рисовались как нечто такое, что должно дать быстрый и ощутимый позитивный результат во многих областях жизни и прежде всего самых насущных. На формирование именно такого образа реформ была направлена деятельность мощного тогда аппарата и средств массовой информации. Естественно, что это нашло отклик и породило высокий уровень ожиданий.

По ходу перестройки, наряду с ростом экзпектаций, происходит политизация массового сознания, все большее число людей оказывается включенным в сферу политики (по крайней мере, на уровне обсуждения политических вопросов). Параллельно с этим нарастает разрыв между первоначальными ожиданиями и ухудшением положения дел в реальности.

Это, в свою очередь, приводило к явлениям фрустрационного порядка и нарастанию активности участия в различных формах политического протеста. Пик последнего приходился на период 1990—1991 г.г. Важно отметить, что в идеологическом плане протестная активность в большей степени была сопряжена тогда с ценностями либерального, антисоциалистического порядка. Идущие в этот период к власти «демократические» силы пользовались достаточно высокой поддержкой различных слоев населения столицы. В то же время определенный протестный потенциал был также присущ политическим оппонентам последних. Имеются в виду те, кто разделял ценности «госсосоциалистического» или «национально-патриотического» порядка.

Уменьшение протестной активности в 1993—1994 гг. связано с «наложением» различных факторов. Во-первых, после прихода к власти сил, имевших ранее массовую поддержку, объективно сокращается мотивация последних к протестному участию. Во-вторых, полученные данные являются индикатором усиления неверия в протестные акции как средства достижения тех или иных целей. В-третьих, для обсуждаемого периода характерна дифференциация в отношении людей к политике в целом и к протестным акциям, в частности.

Если большинство оказывалось в этом вопросе индифферентным, то меньшая часть демонстрировала активную включенность в сферу политики. Показательным в этой связи является содержание регрессионного уравнения протестного участия, рассмотренное выше. Ориентации на протест в наибольшей степени детерминировал индикатор «знакомство с программами политических партий и движений». Причем последний положительно коррелировал с индикатором интереса к политике в целом.

Остановимся кратко и на другой существенной стороне обсуждаемой проблемы. Падение уровня протестной активности происходило в условиях серьезного социально-экономического кризиса.

Как известно, в 1992—1994 гг. происходили кардинальные изменения в распределении властных ресурсов всех уровней; набирала силу тенденция к установлению, по сути, новых форм общественных отношений. Одна из существенных сторон «реформ типа шоковой терапии» сводилась к попытке достижения баланса потреб-

ления и производства. Последнее сопровождалось падением уровня жизни большей части населения.

На вопрос «Не могли бы Вы сравнить уровень Вашего материального благосостояния с тем, что было примерно 6—7 лет назад?» в июне 1993 г. было получено следующее распределение ответов. Стали жить: «значительно лучше» или «несколько лучше» — 18%; «так же, как и раньше» — 15%; «значительно хуже» или «несколько хуже» — 67%. Итак, наблюдались качественные различия в социальном самочувствии людей. Наряду с ухудшением жизни большинства, самооценки другой, не столь многочисленной группы москвичей были позитивными.

В этот же период, что зафиксировано рядом эмпирических исследований, ослаблялась идентификация решительно со всеми группами и общностями [10]. В целом проис-

ходила актуализация нерациональных или псевдорациональных компонент сознания, в том числе области политического сознания [11]. Многое свидетельствовало в пользу того, что значительные сегменты социума находились в состоянии аномии. Вместе с тем, перечисленные выше обстоятельства оказались сопряженными не с усилением, а, скорее, с ослаблением протестной активности.

В этом, по всей видимости, проявляется более общая характеристика обсуждаемого периода. Суть ее состоит в том, что «неудовлетворенность ситуацией в стране не стимулирует граждан к активным, солидарным действиям, а, скорее, наоборот» [12].

Итак, применительно к периоду двух последних лет можно говорить о тенденции к приспособлению значительной части населения к новым, сложным условиям жизнедеятельности. Существенной чертой этого процесса является ориентация людей не на институциональные и групповые, а в первую очередь на индивидуальные усилия.

Последнее можно проиллюстрировать зафиксированным в ходе исследования перечнем типов поведения-реакции на сложившуюся ситуацию. «Принимают сегодняшнюю ситуацию как необходимый этап реформ» — 36%; «активно пытаются улучшить свое положение (ищут дополнительный источник дохода, работу)» — 33%; «пали духом, смирились, растерялись» — 11%; готовы идти на баррикады в прямом смысле слова» — 6% респондентов. Таким образом, большинство опрошенных было ориентировано не столько на протест (причем в его радикальных проявлениях), сколько на «выживание» в создавшейся ситуации.

Рассматривая зафиксированный уровень протестной активности, следует учесть и некоторые другие моменты. Наблюдавшийся в 1992—1994 гг. спад производства не детерминировал жестко падение жизненного уровня работающих-Зачастую зарплата продолжала (хотя и со значительным отставанием) возрастать по мере роста инфляции. Многие предприятия переходили в этот период на сокращенный рабочий день, в то время как массовых увольнений не было. Примем во внимание и достаточно искусное социальное маневрирование правительства, осуществляющего адресную поддержку ключевых, с точки зрения минимизации роста социальной напряженности, сфер и отраслей хозяйства. Немаловажным в этой связи фактором оказывается также совокупный эффект средств массовой информации.

Вместе с тем надо учитывать специфику московских условий. В столице, по сравнению с менее крупными центрами, в среднем у индивида существовало больше возможных вариантов адаптации к новым условиям.

Большое влияние на динамику протеста может оказывать политическая культура. Традиционно сложившийся тип социального поведения. Напомним, что среди важнейших параметров политической культуры, сформировавшейся к началу перестроечного периода, можно выделить следующие: кризис ценностей официальной советской идеологии; отчуждение большинства населения от участия в политических процессах и от власти; высокий уровень политической апатии и распространенная политико-правовая неграмотность населения; рост недовольства (прежде всего социально-экономического плана) и, соответственно, недоверия к органам власти; ожидание харизматически одаренного лидера, способного изменить положение дел к лучшему;

широкое распространение эгалитарных настроений. Многие из этих характеристик продолжали играть существенную роль и в постперестроечный период.

К этому можно добавить, что в политической культуре нескольких последних десятилетий традиции институционально оформленных протестных действий не было вообще. Отчасти и с этим обстоятельством может быть связана относительно низкая ориентация населения на отстаивание своих интересов с помощью тех или иных протестных форм.

Следует также заметить, что сами по себе конкретные формы протеста являются только реализацией накопившегося социального недовольства, которое, в свою очередь, может порождаться широким спектром политических и социально-экономических причин. Однако практическое осуществление протестной активности сопряжено с наличием достаточно развитых политических субъектов — партий, движений, соответствующих инфраструктур. Эти, равно как и многие другие атрибуты гражданского общества, в современных российских условиях характеризовались весьма скромным уровнем развития.

В связи с зафиксированными показателями протестной активности в условиях кризисного развития можно говорить о нескольких вариантах оценки и, соответственно, перспектив развития ситуации.

Во-первых, гипотетически речь может идти об определенном кредите доверия обществу направлению социально-экономических изменений. В этом случае высок уровень отложенных ожиданий, а большинство населения готово терпеть трудности и лишения во имя последующего улучшения.

Во-вторых, правомерно говорить об адаптации значительной части населения к кризисным условиям.

В-третьих, приведенные данные могут характеризовать процесс отложенной негативной реакции, связанной с существенным отстранением от социальности на данном этапе.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайнштейн Г.И.* Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. М.: Наука, 1990. С. 25.
2. *Marsh A.* Protest and Political Consciousness. London: Sage, 1977. P. 40.
3. *Von Eschen D., Kirk J., Pinard M.* The Organizational Substructure of Disorderly Politics // *Social Forces*. June 1971. V. 49. № 4. P. 529—544.
4. *Gurr T.R., Lichbach M.I.* Forecasting Internal Conflict: A Competitive Evaluation of Empirical Theories // *Comparative Political Studies*. April 1986. V. 19. № 1. P. 3—39.
5. *Stouffer S.A.* The American Soldier. Princeton, 1949; *Merton R.K.* Social Theory and Social Structure. Free Press, 1957; *Runciman W.G.* Relative Deprivation and Social Justice. Routledge and Kegan Paul, 1966.
6. *Gurr T.R.* Why Men Rebel. Princeton University Press, 1970.
7. *Marsh A.* Protest and Political Consciousness. London: Sage, 1977; *Marsh A.* Political Action in Europe and the USA. London: Macmillan, 1990.
8. *Dowse R.E., Hughes J.A.* Political Sociology. London: Wiley, 1986. P. 232.
9. *Кинсбургский А.В., Топалов М.Н.* Социодинамика массовых политических действий. Москва, 1992 // Массовое сознание и массовые действия. М.: ИС РАН, 1994. С. 84.
10. *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // *Социол. журнал*. 1994 № 1. С. 50.
11. *Назаров М.М.* Об особенностях политического сознания в постперестроечный период // *Социол. исслед.* 1993. № 8. С. 37—46.
12. *Петухов В., Рябов А.* Временный феномен апатии масс // *Независимая газ.* 1994. 17 авг.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

Показатели уровня доходов соответствуют следующим эмпирическим индикаторам (вопрос «К какой из перечисленных категорий населения Вы относитесь?»):

1 — «Мы можем позволить купить себе машину, дачу, словом, ни в чем себе не отказывать» или «Покупка товаров длительного пользования (телевизор, холодильник) не вызывает у нас затруднения, но покупка автомашины нам сейчас недоступна»;

- 2 — «Денег хватает для приобретения необходимых продуктов и одежды, более крупные покупки приходится откладывать»;
- 3 — «Денег сейчас хватает только на приобретение продуктов питания»;
- 4 — «Денег сейчас не хватает даже на приобретение продуктов питания».

Используемые в ходе анализа оценочные суждения:

- 1 «Свобода есть высшая ценность, ради которой можно смириться с ростом экономического неравенства»;
  2. «Важнейшим сейчас должен стать принцип индивидуализма, когда каждый человек сам ответственен за свой успех или неудачу»;
  3. «Главным и единственным регулятором нашей экономики должен быть рынок».
- Отношение респондентов к перечисленным признакам измерялось по пятичленной шкале с градациями:  
1 — «не согласен», 5 — «согласен».